

УДК 343.132.4

ОЧНАЯ СТАВКА В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ: ПРЯМАЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ИЛИ ТВОРЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА ЕВРОПЕЙСКИХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ВЕДЕНИЯ ДОПРОСОВ

© 2018

И. А. Кирянина

Институт повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета РФ», Россия, г. Нижний Новгород

Предпринята попытка проанализировать существующие мнения ученого сообщества и практикующих юристов относительно существующих проблем оглашения судом показаний неявившихся потерпевших, свидетелей по уголовному делу и, как следствие, трансформации такого традиционного для Российского уголовного процесса следственного действия, как очная ставка, которой в настоящее время отводится роль единственной процессуальной гарантии, обеспечивающей возможность оглашения в стадии судебного рассмотрения материалов уголовного дела неявившегося потерпевшего либо свидетеля.

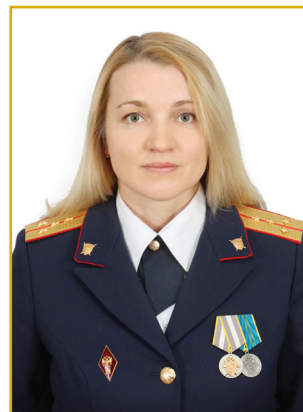
Ключевые слова: очная ставка, показания свидетеля, показания потерпевшего, оглашение показаний неявившегося потерпевшего, свидетеля, разбирательство по уголовному делу.

Практикующими юристами и ученым сообществом неоднократно поднимался вопрос о проблемах оглашения судом показаний неявившихся потерпевших или свидетелей и необходимости соблюдения международных стандартов в процессе доказывания по уголовному делу в целях реализации гарантий, предусмотренных подпунктом d пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также п.п. е п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах¹.

В свете прецедентной практики Европейского суда по правам человека конвенционное право лица допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него, должно реализовываться при наличии определенных оснований.

Так, некое лицо в досудебной стадии дает показания, изобличающие подозреваемого, обвиняемого. Эти показания являются фундаментальными, ключевыми. На них, исключительно или в решающей степени, строится обвинение.

Лицом, дающим показания, может быть как ключевой свидетель, единственный очевидец преступления, так и потерпевший. Здесь мы согласимся с А.Л. Осиповым, который полагает, что существо

И. А. Кирянина

Старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
четвертого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации ФГКОУ ВО
«Московская академия Следственного комитета
РФ», Россия, г. Нижний Новгород

международно-правовых стандартов раскрывается через отдельные направления эволюции автономной концепции «свидетель» в практике ЕСПЧ для целей применения положений статьи 6 Конвенции. В качестве фундаментального положения данной концепции ЕСПЧ использует утверждение, что справедливость судебного разбирательства требует, чтобы любое физическое лицо (независимо от его формального юридического статуса), устные или письменные заявления которого используются в доказывании по уголовному делу, применительно к вопросу обеспечения гарантий состязательного судопроизводства рассматривалось в качестве свидетеля. Независимо от формально-юридических или терминологических особенностей, существующих в той или иной национальной системе правового регулирования, такое лицо должно быть подвергнуто перекрестному допросу или иным процедурам, позволяющим проверить достоверность его показаний². Этим лицом может быть и соучастник преступления. По мнению Европейского суда, существует значительный риск того, что показания обвиняемого могут быть недостоверными, данными в своих очевидных интересах переложения ответственности на другое лицо. Таким образом, может потребоваться более высокая степень контроля оценки таких показаний, поскольку положение, в котором находятся сообщники при даче показаний, отличается от положения обычных свидетелей. Они дают показания без присяги, то есть без какого-либо подтверждения правдивости их показаний, которое могло бы повлечь их ответственность за дачу заведомо ложных показаний (Постановление Европейского суда от 24 июля 2008 г. по делу «Владимир Романов против Российской Федерации», жалоба N 41461/02, § 102). В частности, Страсбургским судом был разработан способ определения того, делает ли признание вины обвиняемым в качестве доказательства в деле заявителя разбирательство несправедливым. Для соблюдения гарантий статьи 6 Конвенции при решении вопроса о допустимости признания вины обвиняемым такое признание может быть принято только при установлении факта совершения преступления признающим свою вину лицом, но не заявителем, и судья обязан разъяснить коллегии присяжных, что признание вины как таковое не доказывает, что заявитель причастен к этому преступлению³.

Согласно общему подходу ЕСПЧ, в случае дачи изначально свидетелями-соучастниками ложных показаний они будут заинтересованы в том, чтобы воспроизвести эти показания в судебном процессе в отношении соучастника, опасаясь пересмотра своего приговора и

возможного ужесточения наказания за нарушение соглашения со следствием. Этого, по мнению ЕСПЧ, достаточно, чтобы относиться к таким показаниям крайне осторожно и не использовать их напрямую для установления виновности подсудимого⁴.

В данном вопросе российский законодатель не пошел по пути прямой имплементации, он выработал свой аутентичный подход к указанной проблеме. В своем Постановлении от 20 июля 2016 года N 17-П, подвергая сомнению необходимость непосредственного перекрестного допроса свидетелей-соучастников в ходе состязательного судопроизводства, Конституционный Суд указал, что наличие досудебного соглашения о сотрудничестве создает дополнительную гарантию достоверности показаний свидетеля-соучастника под угрозой применения к нему мер процессуальной ответственности в виде возможности расторжения ранее заключенного соглашения с лицом, давшим заведомо ложные показания до вынесения приговора по выделенному делу либо в отмене состоявшегося приговора и назначении ему более строгого наказания. Вместе с тем, Конституционный Суд допускает использование таких показаний в процессе доказывания, и это, на наш взгляд, самое существенное расхождение с прецедентной практикой Страсбургского суда, категорически не допускающего возможности использования обвинительных показаний свидетеля-соучастника для установления виновности лица.

Хотелось бы напомнить о постановлении ЕСПЧ от 14.01.2010 по делу «Мельников против Российской Федерации», поскольку именно это решение, на наш взгляд, сыграло решающую роль в формировании следственной практики, при которой проведение очной ставки стало не правом, а фактически, обязанностью следователя, своего рода гарантией, разрешающей оглашение показаний неявившегося свидетеля в стадии судебного рассмотрения материалов уголовного дела. Негласное обязательное проведение очной ставки, как единственно возможное условие оглашения показаний ранее допрошенного и не явившегося в суд потерпевшего или ключевого свидетеля, по мнению автора, превратило ее в некую формализованную «индугенцию»; при этом основания и цель проведения очной ставки явно перестали соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона. Ее проведение стало не правом, а обязанностью следователя, а наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц перестало быть процессуальным основанием ее проведения.

Следственно–судебная практика еще больше укрепилась в своем стремлении сделать очную ставку единственно возможной процессуальной гарантией оглашения показаний неявившихся потерпевших или свидетелей. Согласно разъяснению, данному в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2016 года N 55 «О судебном приговоре», суд не вправе без согласия сторон оглашать показания неявившегося потерпевшего или свидетеля, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения). Для конкретного правоприменителя это было особенно актуально, т.к. очная ставка указана в качестве единственного примера реализации Конвенционных положений в рамках российского уголовного процесса.

Однако нельзя не согласиться с профессором Е. Зайцевой, которая полагает, что прямая имплементация указанного конвенционного положения привела бы к противоречивому регулированию процедур судебного следствия и предварительного расследования, в ходе которого именно лицо, осуществляющее досудебное производство, определяет наличие фактических оснований для проведения любого следственного действия (в том числе и очной ставки)⁵.

Е. Зайцева справедливо отмечает, что суть положений п. d ч. 3 ст. 6 Конвенции не может ограничиваться исключительно указанным правом подсудимого. Конвенция предполагает и право подсудимого на то, чтобы эти свидетели были допрошены, что означает применение судом других средств проверки показаний этих лиц, а не только перекрестного допроса с участием самого подсудимого. Система действующего нормативного регулирования в достаточном количестве содержит возможности обвиняемому (подсудимому) оспорить в предыдущих стадиях производства по делу эти доказательства предусмотренными законом способами (ч. 4 ст. 47, ст. 53, части 2–3 ст. 86, главы 15–16, ст. 217, ст. 235 УПК РФ и др.)⁶.

Российский законодатель учел эти процессуальные возможности. Федеральным законом от 2 марта 2016 года N 40–ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации» статья 281 УПК РФ дополнена частью 2.1, в которой сформулировано основанное на прецедент–

ной практике Европейского суда по правам человека правило о том, что решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при наличии оснований, предусмотренных пунктами 2–5 части 2 настоящей статьи при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренным законом способами, конкретный перечень которых не установлен.

Мы не можем согласиться с некоторыми авторами⁷, которые полагают, что единственным следственным действием, указанным в разделе VIII УПК РФ, в ходе которого подсудимому может быть предоставлена возможность оспорить показания свидетеля и задать ему вопросы, является очная ставка.

Ярким подтверждением тому, на наш взгляд, служит Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 года N 2252–О «По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью 2.1 статьи 281 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации». Заявитель оспорил конституционность части 2.1 статьи 281 УПК РФ, согласно которой в случаях тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, отказа свидетеля, являющегося иностранным гражданином явиться по вызову суда, стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд, а также в случае, если в результате принятых мер установить местонахождение свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами в той мере, в которой эта норма не устанавливает перечень следственных действий, производство которых на стадии предварительного расследования дает возможность подозреваемому, обвиняемому оспорить показания, данные против него свидетелем, не позволяет подозреваемому, обвиняемому реализовать право допросить такого свидетеля и опровергнуть его показания.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, введенная Федеральным законом от 2 марта 2016 года N 40–ФЗ в статью 281 УПК РФ часть 2.1 подлежит применению во взаимосвязи с положениями

уголовно–процессуального закона, обеспечивающими обвиняемому в уголовном судопроизводстве право на защиту и право на справедливое судебное разбирательство, и дополнительной конкретизации в виде исчерпывающего перечня средств оспаривания показаний ранее допрошенного и не явившегося в суд свидетеля не требует. Конституционный Суд РФ обратил внимание на то обстоятельство, что при реализации стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить показания ранее допрошенного и не явившегося в суд свидетеля.

Определившись с Конвенционными положениями, гарантирующими возможность обвиняемому допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, обратимся к традиционному для российского уголовного процесса следственному действию – очной ставке.

Основанием для ее проведения как в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 года (статья 162), так и в УПК РФ (статья 192) является наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Это не просто противоречия, а противоречия принципиальные, серьезные, имеющие значение для правильного разрешения дела. Как статья 162 УПК РСФСР, так и статья 192 УПК РФ предусматривают, что проведение очной ставки является правом, а не обязанностью следователя. Таким образом, целью проведения указанного следственного действия является устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Итак, проведение очной ставки, на наш взгляд, будет отвечать критериям допустимости и способствовать достижению целей уголовного судопроизводства, если подозреваемый, обвиняемый дали показания и в этих показаниях есть существенные противоречия с показаниями потерпевшего, свидетеля, свидетеля–соучастника; подозреваемый, обвиняемый не воспользовались правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определен законом.

Важно учесть и то обстоятельство, что в соответствии с положениями п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ дача показаний подозреваемым, обвиняемым является их правом, а не обязанностью; они могут не

дать своего согласия не только на дачу показаний, но и на проведение очной ставки.

Как справедливо отмечает М. Собчук, на досудебной стадии уголовного судопроизводства может вообще не возникнуть ситуация, позволяющая следователю провести очную ставку между обвиняемым и свидетелем обвинения, если между их показаниями нет противоречий. Кроме того, в ходе расследования уголовного дела практически невозможно проведение очной ставки, если противоречия усматриваются между показаниями обвиняемого и показаниями свидетеля обвинения, данные о котором сохранены в тайне, поскольку следователь обязан выяснить у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой⁸.

Не стоит забывать и о такой категории уголовных дел, где имеются несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства и проведение очной ставки в ее традиционном процессуальном значении является проблематичным.

Таким образом, на наш взгляд, существующие в настоящее время процессуальные особенности и установленные УПК РФ условия проведения очной ставки не позволяют в полной мере реализовать требования п.п. d пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также п.п. е п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах.

Для решения указанной коллизии юридической общественностью предлагаются различные процессуальные возможности. Например, С.П. Желтобрюхов предлагает введение новой разновидности допроса – допроса потерпевшего, свидетеля с участием подозреваемого обвиняемого. При его проведении не требуется, чтобы подозреваемый, обвиняемый обязательно дал показания (он может воспользоваться правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ), и не требуется, чтобы в его показаниях и показаниях изобличающего его лица были существенные противоречия. Целью данного допроса, по мнению автора, является исключительно реализация Конвенционных положений⁹.

М.В. Собчук предлагает дополнить УПК РФ нормами, прямо обязывающими следователя обеспечить подозреваемому, обвиняемому возможность участия в допросе (повторном допросе) свидетеля обвинения, в том числе с сохранением в тайне данных о личности свидетеля (путем исключения его визуального наблюдения и изменения его голоса), в случаях, если обвинение основано на свидетельских показаниях¹⁰.

А.М. Лозовский видит решение проблемы в исключении из ст. 192 УПК РФ в качестве основания проведения очной ставки такого условия, как наличие существенных противоречий между показаниями ранее допрошенных лиц и наделение обвиняемого при ознакомлении с материалами уголовного дела правом представления в письменном виде вопросов, которые бы он желал задать потерпевшему или свидетелю, с которыми не проводилась очная ставка, что являлось бы основанием к дополнению предварительного расследования (проведению дополнительного допроса потерпевшего или свидетеля либо очной ставки между ними)¹¹.

Разделяя позицию первых двух авторов, мы не можем согласиться с последней, поскольку это приведет к утрате очной ставки как следственного действия и затягиванию сроков предварительного следствия.

Формулируя свою позицию по данному вопросу, сразу оговоримся, что мы категорически против того, чтобы традиционный институт очной ставки превращался в единственный механизм реализации Конвенционных положений, гарантирующих подозреваемым, обвиняемым право допрашивать показывающих против них свидетелей, на показаниях которых единственно или в решающей степени строится обвинение. Представляется, что в целях собирания и проверки доказательств и достижения целей уголовного судопроизводства целесообразнее, чтобы вышеуказанный институт остался в своем классическом варианте. Данное следственное действие является чрезвычайно важным и нужным, при определенных условиях просто необходимым.

Если исходить из того, что Конституционный Суд РФ определил на данном этапе достаточными и в полной мере обеспечивающими обвиняемому в уголовном судопроизводстве право на защиту и право на справедливое судебное разбирательство, положения, введенные Федеральным законом от 2 марта 2016 года Т 40-ФЗ, о возможности оглашения показаний потерпевшего или свидетеля при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами, признав при этом, что дополнительной конкретизации в виде исчерпывающего перечня средств оспаривания показаний ранее допрошенного и не явившегося в суд свидетеля не требуется, то в достаточной мере процессуально обоснованными являются варианты, предложенные С.П. Желтобрюховым и М.В. Собчуком.

Представляется, что важным этапом реализации Конвенционных положений является разъяснение сле-

дователем подозреваемому (обвиняемому) его процессуальных возможностей допроса показывающих против него свидетелей в случае, если обвинение в исключительной или решающей степени строится на их показаниях. В отдельных следственных подразделениях эти разъяснения оформляются в виде самостоятельного протокола.

Конституционный Суд РФ справедливо обратил внимание на то обстоятельство¹², что реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить показания ранее допрошенного и не явившегося в суд свидетеля.

Итак, мы предприняли попытку отстоять традиционный процессуальный институт очной ставки от его трансформации в формальный механизм реализации Конвенционных положений, гарантирующих подозреваемым, обвиняемым право допрашивать показывающих против них свидетелей, на показаниях которых единственно или в решающей степени строится обвинение.

Именно поэтому приемлема только взвешенная и последовательная переработка Европейских стандартов и правил получения доброкачественных доказательств с учетом особенностей Российского законодательства, а не их прямая имплементация, которая, несомненно, может привести к дисбалансу прав сторон в процессе, искажению сущности отдельных следственных действий и противостояния публичным интересам достижения целей уголовного судопроизводства. ■

Библиографический список

1. Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2016. N 5. С. 31–33.
2. Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2017. N 9. С. 26–29.
3. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. Очная ставка и вопросы ее процессуального проведения // Российский следователь. 2015. N 20. С. 46–48.
4. Лозовский А.М. Ангарский городской суд, г. Ангарск. О проблеме оглашения судом показаний неявившихся свидетелей и потерпевших // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследова-

ния преступлений, подследственных органам внутренних дел». Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 48–53.

5. Осипов А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // Адвокат. 2016. N 9. С. 14–20.

6. Собчук М.В. Реализация права обвиняемого на допрос свидетелей обвинения // Законность. 2014. N 12. С. 43–44.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 года N 2252-О «По жалобе гражданина Хасенова И.Н. на нарушение его конституционных прав частью второй 1 статьи 281 УПК РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. N 6.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2008 «Дело «Владимир Романов против Российской Федерации» (жалоба N 41461/02) // Система ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067998/> (дата обращения: 03.09.2018).

---

¹ Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. Очная ставка и вопросы ее процессуального проведения // Российский следователь. 2015. N 20. С. 46–48; Лозовский А.М. Ангарский городской суд. О проблеме оглашения судом показаний неявившихся свидетелей и потерпевших // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел». Иркутск, 21 апреля 2017 года. С. 48–53. и др.

² Осипов А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международные аспекты // Адвокат. 2016. N 9. С. 15.

³ <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067998/> (дата обращения: 03.09.2018).

⁴ Осипов А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международные аспекты // Адвокат. 2016. N 9. С. 16.

⁵ Зайцева Е. Дополнения ст. 281 УПК РФ: очередная попытка достичь разумного баланса в состязательном уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. N 5. С. 53.

⁶ Там же.

⁷ Лозовский А.М. Ангарский городской суд, г. Ангарск. О проблеме оглашения судом показаний неявившихся свидетелей и потерпевших // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел». Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 49.

⁸ Собчук М.В. Реализация права обвиняемого на допрос свидетелей обвинения // Законность. 2014. N 12. С. 44.

⁹ Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2016. N 5. С. 33; Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2017. N 9. С. 28–29.

¹⁰ Собчук М.В. Реализация права обвиняемого на допрос свидетелей обвинения // Законность. 2014. N 12. С. 44.

¹¹ Лозовский А.М. Ангарский городской суд, г. Ангарск. О проблеме оглашения судом показаний неявившихся свидетелей и потерпевших // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел». Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 52–53.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 года N 2252-О «По жалобе гражданина Хасенова И.Н. на нарушение его конституционных прав частью второй 1 статьи 281 УПК РФ» // Система ГАРАНТ аэро.

**CONFRONTATION OF WITNESSES IN THE CONTEXT
OF ECHR DECISIONS: DIRECT IMPLEMENTATION
OR CREATIVE RETHINKING OF EUROPEAN
CRIMINAL PROCEDURE RULES FOR INTERROGATION**

I. A. Kiryanina

Senior lecturer of the Department of Criminal Proceedings of the fourth advanced training faculty
(located in the city of Nizhny Novgorod) of the Institute for advanced training of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation, Russia, Nizhny Novgorod

In this article, the author attempts to analyze the existing opinions of the academic community and practicing lawyers on the existing problems of disclosure by the court considering a criminal case of the testimony of the victims or witnesses who did not appear in court, and as a consequence, the transformation of the confrontation of witnesses, a traditional investigative action for the Russian criminal process, which currently plays the role of the only procedural guarantee providing the possibility to disclose at the stage of judicial review the materials of the criminal case of the victim or witness who did not appear in court.

Keywords: confrontation, witness testimony, testimony of the victim, announcement of the testimony of the victim who did not appear in court, witness, criminal proceedings.